

От издательства

Это третья книга Ирины Млодик, написанная в необычной манере, — она включает в себя художественное произведение, дающее возможность читателю увидеть, понять и почувствовать сущность психологического нарушения (в данном случае речь идет о мазохистических особенностях характера), и статью о механизмах формирования этого нарушения и возможностях психотерапевтической работы с ним.

С точки зрения психологии мазохист — это человек, чьи желания и потребности с детства попираются, в результате чего он перестает ощущать свою человеческую ценность. Ему трудно заниматься собственной жизнью, он ищет и находит тех, кому готов служить и подчиняться. Не замечать усталости, боли, жары для такого человека намного естественнее, чем проявить заботу о себе. Способность выносить страдания и лишения — его главная гордость, способ получить любовь, стать морально выше других.

Говорить об этой проблеме непросто хотя бы потому, что, как пишет автор, для российского и постсоветского общества эти особенности очень характерны. Они вполне приемлемы, считаются почти нормой. Тем важнее прочитать эту книгу, иначе взглянуть на то, что, на первый взгляд, кажется таким привычным и обыденным. И попытаться разобраться, что же можно сделать для изменения ситуации, для того чтобы мы перестали жить, страдая, смогли увидеть свои потребности и желания и дали возможность начать жить собственной жизнью своим близким.

*Ольга Сафуанова,
главный редактор издательства*

Выражаю глубокую признательность:

семье моей сестры:

Марине, Грэгу, Арише, Саше, Элине, Дэвиду;

семье Морозовых из Новосибирска:

Валентине, Дмитрию, Полине и Александре

за тепло и гостеприимство,

щедро питавшие меня во время работы над книгой

Девочка на шаре

Девочка на шафе

По оценкам МВД России, в 1994 году почти 14 тысяч женщин были убиты мужьями или сожителями. Для сравнения — за 10 лет Афганской войны Советский Союз потерял 17 тысяч человек.

Сайт центра «Сестры»

Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой,
Вежливой девочкой, гнесинской недоучкой.
«Вот тебе новая кофточка, не испачкай».
«Вот тебе новая сумочка с крепкой ручкой».
Дочь-одиночка станет алкоголичкой,
Вежливой тетечкой, выцветшей оболочкой,
Согнутой черной спичкой, проблемы с почкой.
Мать постареет, и все, чем ее ни пичкай,
Станет оказывать только эффект побочный.
Боженька нянчит, ни за кого не прочит,
Дочек делить не хочет, а сам калечит.
Если графа «отец», то поставлен прочерк,
А безымянный палец — то без колечек.
Оттого, что ты, Отче, любишь нас больше прочих,
Почему-то еще ни разу не стало легче.

Вера Полозкова

Не касаться земли. Балансировать. Взмах тонких рук, и ей снова удастся сохранить равновесие. Нельзя сойти с шара. Двигайся, перебирай ножками. Тебе нельзя упасть. Ты не можешь остановиться, расслабиться, ощутить опору. Опора есть у сильных. Она есть у него. Ему так удобно сидеть на большом кубе. Он вправде. Ему можно. Крепкие, широкие ступни и твердость земли. Он уверенно занимает место, повернувшись ко всему миру широкой мускулистой спиной.

Ему можно. Тебе — нет. Твой удел — перебирать ножками, держать равновесие. И улыбаться. Не забывай улыбаться. Никто не должен видеть твоей усталости и слез. Легче. Изящнее. Ты должна радовать. Давай же. Нельзя сойти с шара. Терпение и усердие. А что, если?.. Нет. Не вздумай, иначе он поднимется со своего

куба, и потом боль в исполосованной плеткой спине и синяки на ногах будут мешать тебе держаться на шаре. Будет только хуже. Просто терпи. Перебирай ножками. Старайся, держи равновесие. Ты не должна его подвести. Тебе лучше его не злить...

Она любила эту картину. В молодости, глядя на нее, сначала, как и все вокруг, видела только акробатов на привале: хрупкую девочку и широкую мужскую спину. Романтичный Пикассо, через «голубое» прожив свои потери и расставшись с иллюзиями молодости, вдруг обращается к «розовому», разрешая себе окунуться в легкость и радость цирковых представлений, в романтизм, крепость уз, надежность актерского братства.

Прошло всего каких-то пара лет... Нет. Голубой на самом деле никуда не ушел. Теперь она это ясно видит. Откуда они взяли эту глупость — «розовый период»? Голубой его одиночества и скорби еще здесь, в этой девочке, мучительно ищущей ускользающее из-под ее ног равновесие, и в явном, грубо заявляющем о себе синем с мужской стороны картины. Неужели не видно? И куда только смотрят искусствоведы...

Когда она была немного моложе, та самая акробатка напоминала ей Суок — девочку из фильма «Три толстяка». Она-то, конечно, может позволить себе безмятежность, детскую грацию и даже рискованные подвиги, ведь рядом с ней смелый Тибул. Сильный и преданный мужчина рядом — такая прекрасная возможность быть хрупкой и верить, что он все сделает для ее спасения. Тибул из фильма очень нравился ей: стройный, подвижный, с теплым взглядом и нежностью в голосе. Он ничем не напоминал ей собственного отца, который как раз вескостью, мощью и зна-

чительностью весьма походил на мужчину-акробата в синем.

Картина в который раз поймала ее и оставила при себе. Живи как хочешь, свободна. Она снова исчезла, осталась только девочка с розой в темных волосах, бесконечно ищущая свое равновесие. И не поднять глаз. Не сойти на землю.

Она шла из Пушкинского с ощущением странного освобождения. С легкостью, с решением внутри. И почему она сомневалась? Конечно, нужно сказать «да», он же так ее любит...

Мы не виделись со студенческих времен. Возможно, моя жизнь так бы и не пересеклась еще раз с ее судьбой, если б не Ленка, обладающая редким даром — соединять все и всех в чудовищную круговерть.

Если бы перед знакомством с Ленкой хоть кто-нибудь предупредил меня о том, что один раз попав в ее планетарную систему, с нее уже не выбраться, так велика Ленкина гравитация, то я бы еще подумала, подходить или нет к этой миловидной, маленькой, чуть полноватой и всегда чем-то увлеченной блондинке. Даже телефон, кажется, звонит задорнее и напористее, когда на том конце провода ее воодушевленный голос. Да уж, Ленку ни с кем не спутать.

— Ты что, не знаешь? Она же в больницу попала, а у самой дома остался ребенок-инвалид. Ты что, не знаешь, что у нее ребенок-инвалид? Ну ты на какой планете живешь? А еще, блин, интеллигенция! Арина, как можно?! — В то время пока Ленка бодро вещает, я вспоминаю Ингу и пытаюсь вписать все, что слышу, в

какие-то картины, которые сменяют одна другую прежде, чем я успеваю их дорисовать.

Светло-русская девушка, из всех предметов непонятно почему любимшая так не любимую всеми остальными социологию и социальную психологию, в то время как все были «намагничены» зарубежной журналистикой и пиаром. Тихая, милая, всегда погруженная в себя. Неглупая, как уже тогда было очевидно. Говорила она редко, но слушать начинали все. Мало слов. Коротко. Всегда основное. Как будто долго думала, вылепливала слова и выдавала уже суть, не рисуясь, не умничая, просто дарила нам слова, которые хотелось сразу же положить в какое-то потайное место и потом прослушивать раз за разом, пытаюсь понять что-то важное, заключенное в них, но еще не долетевшее до всех закоулков души.

Симпатичная или милая, даже не знаю, как точнее. Никакой яркости ни в чем. Пастель. Приглушенный звук. Странная боль в глазах, не острая, не жгучая, боль человека, привыкшего к своему страданию. Инга. Да, наверное, рядом с ней можно представить ребенка-инвалида, как это ни грустно, можно. Почему-то очень верится.

Мои психологические зарисовки прерывает осознание того, что восклицательные знаки в трубке сменились вопросительными, а значит, от меня ждут ответа.

— Ну что ты думаешь по этому поводу? Кого? Кто бы мог? Как думаешь? — Я догадываюсь, что уже с десяток вопросов я, похоже, пропустила. Ленкина способность за пару минут сообщать огромное количество информации явно опережала мои способности эту информацию улавливать. Интересно, это

потому, что я неуклонно старею, еще не сработала первая чашка кофе, или мы с Ленкой, от которой я уже успела отвыкнуть, но еще не успела отдохнуть, такие разные? Быстро прикинув, что приятнее всего думать последнее, решила не терзаться и, рискуя превратить наш разговор в бесконечно долгий, переспросила:

— Кто бы мог что, Лен?

— Как что? Ты что, не слушаешь меня, что ли? Ну помочь, посидеть с ее Степкой. Некому ведь. У меня ж ты знаешь — мама. Я сама не могу, днем особенно, только вечерами забежать. Я уж и Варьке звонила, и Светке. Все отказываются, у всех дела. Понимаешь? У них дела! А ребенок? Вот ему как? Он же колясочник. У тебя ж, мне сказали, отпуск, и ты как раз никуда не едешь. И надо-то всего недельку-другую, а потом, глядишь, и Ингу выпишут. Ну днем только, вечером я прибежать буду и еще сейчас других обзвоню.

— То есть ты меня просишь? — Я как-то не отдавала себе отчет в том, что сей пламенный спич будет касаться лично меня. Говорила же я себе еще в прошлый раз: не хочешь проблем на свою голову, не бери трубку! Говорила же, что вместо «Ленка» в мобильнике надо написать «Аришенька, умоляю, не отвечай на звонок!!!».

— Ну конечно, тебя! Я вообще с кем разговариваю? У тебя же отпуск, мне Варька сказала. И надо-то неделю. Тебе что, недели для ребенка жалко? Тебе же все равно делать нечего. Как ты собираешься проводить отпуск в ноябре? По Москве гулять в такую холодрыгу, что ли?

— Нет, гулять не собираюсь. — Я начинаю говорить медленнее в надежде хоть что-то успеть обду-

мать, но чем длиннее паузы между словами, тем больше нарастает скорость Ленкиной речи.

— Короче, записывай телефон Инги и адрес. Есть чем писать? Ладно, я сейчас пришлю тебе смс-кой. И еще Степкин телефон пришлю. Я вчера у него была, покормила, у него все есть, но сегодня к обеду, давай, очень нужно, чтобы ты пришла, а то голодным парень окажется. Все, у меня параллельный звонок. Не могу больше болтать с тобой, пока.

Теперь на меня практически без предупреждения накнулись гудки. «И вот что мне теперь с этим всем делать?» — гневно вопрошала я неизвестно кого. «Какого черта ты взяла трубку? Тебе что, плохо жилось с утра? Ведь сегодня первый день твоего долгожданного отпуска! Всего только полчаса до полудня! Еще кофе даже не успел просочиться в жилы, а ты уже заимела себе геморрой! У тебя же были планы, ты помнишь? Бассейн, фитнес-клуб, любимые книжки, блог, статья, которую ты все рвешься написать. Как же твои планы?»

«Я ж не сообразила, что это Ленка. Она же так быстро. Говорит как пулемет... Я же ничего не обещала. Я же не сказала “да”. Она сейчас позвонит кому-нибудь другому, и все уладится. Да и вообще, можно просто не ходить и все. Да, не ходить. И заняться своими делами». В ответ на этот душераздирающий, но такой утомительный, непрекращающийся внутренний диалог проорчал телефон, возвещая о полученной смс-ке.

«Ты можешь ее не читать. У тебя отпуск, — увещевал меня мой Правозащитник, — ты пахала целый год как проклятая, у тебя почти не было выходных. Тебе можно заниматься только собой, даже если все дети мира будут голодать и просить о помощи».

«Да, конечно, — согласилась я сама с собой, — я только гляну, вдруг это не Ленкина смс-ка, а чья-то другая, важная, и все. Я просто проверю. Никуда ехать я не собираюсь».

«И еще купи ему апельсины. Горло слабое. Как бы не разболелся», — было написано в сообщении, далее шли телефоны и адрес.

Ну хорошо. Та-а-ак. Что я планировала на сегодня? Отдохнуть. Есть всякую хрень, смотреть всякую чушь. Сходить к вечеру в магазин и сварить-таки мужу борщ, в кои-то веки. Чтобы, когда он вернется домой, дома была еда, хотя бы отдаленно напоминающая ту, которой заботливые жены кормят своих голодных мужей. Да, таков был план.

Дожевав булочку с корицей и запив ее остатками уже остывшего кофе, я триумфально залегла на диван, и он прогнулся от важности возложенной на меня задачи — «отдохнуть». С воодушевлением и немного гордясь собственной решительностью, я взяла в руки книгу.

Еще вчера все происходящее в ней имело глубокий смысл и захватывало меня всей душой, тем более что вечернее московское метро — такое место, где очень хочется сдать почти любому сюжету. Но сегодня буквы лишь бестолково толклись на странице, не желая обретать смысл. Я сама никак не могла перейти в режим отдыха, несмотря на томную бразильскую музыку, сладкоголосыми ритмами заливающую мою комнату.

Почти через час я обнаружила, что лежу на диване с напряженным от раздумий тельцем и представляю себе этого Степку: маленького, шестилетнего, голодного, с больным горлом, разочарованного этим

миром, в котором так много равнодушных взрослых, жалеющих для него всего лишь пару часов своей драгоценной жизни.

Своих детей у меня никогда не было и уже не будет по обстоятельствам, о которых нет желания вспоминать. Я прятала от себя эту боль подальше, давно прикрыв ее любовью к детям моих подруг. Чужих детей любить приятно, особенно Валюшкиных детей — Лизу и Катюшку, а потом и Васютку. Это получалось само собой. На особенно заполошных подруг-мамаш я обычно смотрела с едва скрываемым налетом благодушного цинизма и сочувствия, присутствовать в их больших детских компаниях не рвалась. Дети — это шумно, непредсказуемо, утомительно.

В результате мучительных размышлений я все же решила набрать Ингин номер. Ну хотя бы просто узнаю, что с ней. В больнице человек лежит все-таки. Вдруг чего-то нужно. Каждый гудок, к моему собственному стыду, приносил мне все возрастающее облегчение: «Ну вот и славно. Она не берет трубку. Ей никто не нужен. Ты пыталась. Вот доказательство: твой пропущенный звонок в ее телефоне. Расслабься уже. Диагноз “неравнодушная” ты сама себе можешь поставить».

«Инвалид-колясочник» — слово каталось у меня на языке, как карамелька. Ни прожевать, ни проглотить. Хочется отвернуться от того, кто это говорит, сказать: «Не надо этого произносить, зачем это вы?» Само слово какое-то неприятное, о нем совершенно не хочется думать и уж тем более примерять к себе. Может, поменяем его на какое-нибудь другое?! «Ребенок-инвалид» — совершенно невозможное сочетание. Я уже не говорю про словосочетание «мой

ребенок-инвалид». Чур меня! Не подходите, вдруг это заразно?..

Еще одна чашка кофе. Еще одна попытка понять, что же происходит на той странице, которую я читаю уже по четвертому разу. Еще один взгляд на телефон. В воображении уже прокрутился почти голливудский фильм с моим участием в главной роли: спасение бедного малыша.

Сначала, как водится, нам трудно найти общий язык, но мы проходим через все сложности и преграды и накрепко привязываемся друг другу. И в этот самый момент возвращается Инга — его мать. Ее слезы безмерной благодарности смешиваются с нашими слезами от необходимости расставаться. Но я обещаю приходить почаще, ведь теперь мы связаны общей историей. Я ухожу с ощущением нашей духовной близости, растроганная нашим прощанием, и понимаю, что именно так стоило провести мой отпуск, наделив его высоким смыслом и облагородив прекрасным поступком. Будет что вспомнить и рассказать внукам, которых у меня скорее всего никогда не будет, в качестве доброй истории, иллюстрирующей важность хороших поступков и дел.

Фу, самой от себя уже тошно. «Ничего нормально сделать не можешь! Взялась читать — так читай. Взялась помогать — уж лучше звони, чем впустую предаваться идиотским фантазиям. Сделай хоть что-нибудь. Не будь “между”, это же совершенно невыносимо!» Ладно. Набираю (что, в шесть лет у него уже есть мобильный телефон?). Эффект тот же. Долгие гудки. И когда я уже со смесью облегчения и досады собираюсь нажимать на «отбой», звучит торопливое «да».

— Это Степан? Здравствуй, меня зовут Арина. Я когда-то училась с твоей мамой в институте. Теперь она в больнице, мне позвонила Лена. И сказала, что к тебе нужно прийти, что тебе нужна помощь. Я в принципе могу.

— Спасибо, Арина. Но мне не нужна помощь. Ваша Лена зря беспокоится. Так ей и скажите. Я справляюсь. Спасибо за звонок.

— Подожди... — Я совершенно растерялась, такой взрослый голос, такая правильная речь, такое теплое дружелюбие, такое несоответствие моему сценарию. — Степа, подожди! Можно я задам тебе несколько вопросов, если ты не торопишься?

— Да, задавайте, только минутку, я выключу чайник.

— Скажи, пожалуйста, тебе сколько лет?

— Тринадцать уже.

— Тринадцать? Я почему-то думала — шесть. А мама? Что с ней? Почему она в больнице?

На том конце повисло молчание, и мне стало неловко за вопрос.

— Для чего вам?

— Ну просто, я переживаю. Инга в больнице. Это серьезно? Может, что-нибудь нужно...

— Ничего не нужно. Вам не о чем беспокоиться. Мы справимся сами.

— А кто это вы? С тобой кто-то есть?

— Нет, я один. Мы с мамой справимся. Вам совершенно не обязательно приходить.

— А как же апельсины? — Я как-то совсем растерялась, то ли у меня забирают шанс проявить благородство, то ли что-то не то я чувствую в этой готовности «самим справиться».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru